

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/38/26

Е.С. Гизбрехт, Н.А. Тарабанов

ФОРМИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АСИММЕТРИЧНОЙ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСТВА

Обосновывается необходимость рассмотрения феномена «отсутствующего отца» не изолированно, а в качестве элемента бинарной оппозиции «отсутствующее отцовство vs. квазиматеринство». Делается вывод, что гендерные установки в организации родительства в целом – и отдельные элементы этой организации в частности – приводят к трудностям в формировании маскулинной идентичности.

Ключевые слова: маскулинность, асимметричная структура родительства, отсутствующий отец, квазиматеринство.

Теоретики *men`s studies* («мужеведение») обычно полагают, что, хотя маскулинная модель развития долгое время признавалась универсальной, она требует дополнительной рефлексии. В связи с этим набирает популярность «мальчиковедение» (*boyhood studies*): в разных культурах мальчики осмысляются как лица, сущностно определенные задачей формирования маскулинной идентичности. Актуальность изучения проблем мальчиков и мужчин обусловлена преобладанием физической агрессии, частотой совершенных суицидов и пр. В результате, особенности мальчиков и мужчин объясняются трудностями, возникающими в процессе обретения и подтверждения собственной идентичности. Проблематичность этих процессов, как правило, связывается с принуждением к реализации какого-либо одного варианта маскулинности вместо возможности выбора, зачастую репрессивным характером мальчишеской и мужской субкультур, а также требованиями реализации порой внутренне противоречивых идеалов маскулинности [1].

Некоторые из этих аспектов рассматриваются в качестве проявления внутрисемейной организации: властные, трудовые, эмоциональные и символические отношения, которые описаны в качестве элементов гендера, в своей взаимосвязи реализуются в семье [2]. Для мальчиков особенно значимым признается влияние отца. Однако установки на самореализацию в публичной сфере, соревновательность и эмоциональную сдержанность нередко препятствуют тесному контакту между отцом и сыном. Ситуация, при которой отец не имеет психологического или физического контакта со своими детьми вне зависимости от своего формального присутствия в семье, – феномен «отсутствующего отца» [3. С. 57]. В настоящей статье, вопреки сложившейся практике широкого употребления данного термина, вводится понятие «отсутствующее отцовство», которое фиксирует феномен «отсутствующего отца» в качестве не только внутрисемейной практики, но и социокультурного явления, имеющего нормативное измерение.

На наш взгляд, значимым достижением в философском осмыслении отсутствующего отцовства является признание данного явления в качестве

обусловленного (через опосредование гегемонной маскулинностью) философским дуализмом: бинарные оппозиции, будучи основой западной антропологии, закладывают дихотомию мужского и женского. Разум, духовность, сверхчувственность как презрение к чувственности, т.е. качества, соотносимые с женщиной в оппозиционной структуре метафизики, формируют представления о роли эмоционально холодного отца, дистанцирующегося от ребенка (так можно охарактеризовать и традиционного отца, и «отсутствующего») [3].

Однако исследование отсутствующего отцовства вне связи с материнством и родительством может быть воспринято исследователями как исходящее из патриархатной метафизики. Кроме того, такая разработка проблемы уделяет внимание отсутствующему (отцовству), исключая наличное (материнство).

Противоположный одностороннему рассмотрению внутрисемейной организации подход был применен Нэнси Чодороу [4]. Исследовательница вводит понятие «асимметричная структура (организации) родительства». Этот термин фиксирует такое положение вещей, при котором нормативно определено, что первичным родителем является мать, вторичным – отец. Асимметричная структура родительства сама по себе не предполагает меньшую вовлеченность отцов в жизнь детей с необходимостью. Напротив, роль вторичного родителя значительна: это содействие ребенку в обретении независимости, в преодолении первичной идентификации с матерью; последнее особенно значимо в свете теории субъекции, предлагаемой Джудит Батлер, где первичная идентификация закладывает уязвимость к власти [5]. Причиной распространения «ставшего социальной нормой длительного отсутствия работающего отца» Н. Чодороу считает капитализм [4. С. 208]. Это одна из причин невозможности применения данного подхода без преобразования в настоящем анализе, тем более что отсутствующее отцовство широко распространяется с момента окончания Второй мировой войны [3]. Кроме того, понятие «отсутствующий отец» в работе Чодороу фактически не встречается, используются лишь описания схожих явлений: сосредоточенности мужчин на карьере в противовес семье, отцовству и пр. Также применяется достаточно специфичный метод, соединяющий в себе социологический и психоаналитический подходы; однако этот метод использован для рассмотрения проблемы воспроизводства преимущественно женского, но не мужского.

Научная новизна предлагаемого в статье подхода состоит в рассмотрении феномена отсутствующего отцовства в качестве элемента бинарной оппозиции для объяснения фиксируемых проблем мальчиков и мужчин. Описать искомую оппозицию можно как «недостаточное родительство» vs. «чрезмерное родительство», причем обе составляющие этой оппозиции необходимо рассматривать в качестве возможных социальных норм. «Чрезмерным родительством» можно назвать квазиматеринство – окказиональный термин, пришедший из научно-популярной литературы [6]. Это понятие обозначает устойчивую практику чрезмерной заботы женщины о лицах, не являющихся ее детьми.

Становление мальчика, формирование его маскулинности в контексте бинарной оппозиции «отсутствующее отцовство vs. квазиматеринство»

представляется иначе. Исполнение запрета на проявление «эмоций слабости», фиксируемые трудности мальчиков и мужчин в разрешении конфликтов мирным способом могут быть поняты не только в качестве проявления влияния маскулинной субкультуры, но и как следствие процесса формирования собственной идентичности. А именно: не имея доступа к ролевой модели отца, мальчик обращается к материнской – с тем, чтобы инвертировать ее. В качестве такой ролевой модели выступает квазиматеринство. Оно предполагает эмпатию, сотрудничество, эмоциональную теплоту. Эти установки мальчик инвертирует и претворяет контрдикторные материнским установки в жизнь. Получается, что из-за отсутствия первичного позитивного образца маскулинности мальчик вынужден определять мужское как противоположное женскому.

Таким образом, рассмотрение отсутствующего отцовства вне связи с квазиматеринством затрудняет объяснение ряда проблем мальчиков. Гегемония асимметричной структуры родительства является более вероятной причиной трудностей в формировании маскулинной идентичности и производных от них проблем мальчиков, нежели отсутствующее отцовство само по себе, рассмотренное вне его социальной роли.

Литература

1. *Кои И.С.* Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
2. *Берд Ш.* Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики.* СПб., 2008. С. 7–37.
3. *Хитрук Е.Б.* Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре // *Вестник Томского государственного университета.* 2013. № 368. С. 54–59.
4. *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 496 с.
5. *Butler J.* The Psychic Life of Power: Theories in Subjection. Stanford: Stanford University Press. 1997. 218 p.
6. *Здравомыслова Е., Темкина А.* История и современность: гендерный порядок в России // *Гендер для «чайников».* М.: Звенья, 2006. С. 55–84.

Gizbrekht Evgeniya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: ev.gizbrekht@gmail.com.

DOI: 10.17223/1998863X/38/27

Tarabanov Nikolay A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: nikotar@mail.tsu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/27

FORMATION OF MASCULINE IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE ASYMMETRICAL STRUCTURE OF ORGANIZATION OF PARENTING

Key words: masculinity, asymmetrical structure of parenting, absent father, pseudo-mothering

According to Nancy Chodorow, boys-specific problems arise because of the asymmetrical structure of parenting. Manifestation of this structure is actively researched concept of the “absent father” which is used to describe not only incomplete families, but those where the self-actualization seeking male is poorly involved in relationship with his children. Researchers conclude that lack of contact between the man and the boy results in identity formation and some relationship establishing difficulties. In the philosophical literature “absent father” is formulated as a manifestation of well-known from the beginning of western culture dualism. Meanwhile, in corresponding contemporary sources position of the phenomenon of “absent father” itself is not found. The development of this problem has been started by N. Chodorow, although features of psychoanalytical discourse and perspective of

her work “The Reproduction of Mothering” in general made it impossible to use the researcher’s conclusions in a philosophical discussion. That justifies scientific novelty of the approach which is suggested in the present paper: consideration of statistically recorded problems of boys and males in the context of “absent fatherhood vs. pseudo-mothering” opposition. It can be described as lack of parenting vs. overparenting and both alternatives are persistent social norms and considered as such. Becoming of the boy, the formation of his masculinity in such context seems slightly different. Execution of ban on showing “emotions of weakness”, some recorded difficulties of boys and males in resolution of conflicts in a peaceful way may be understood not only as an effect of the influence of boys subculture but as a result of the identity formation process. More precisely, not having an access to the father’s role model, boy turns to the mother’s to invert it. As such role model, pseudo-mothering appears – the social norm of nearly maternal care of woman about persons other than her own children. Pseudo-mothering implies empathy, cooperation, emotional warmth. A boy inverts those attitudes (because of the absence of positive primary model of manliness he is forced to define masculine as opposite to feminine) and implements contradictory attitudes. Thus, “absent fatherhood vs. pseudo-mothering” is binary opposition and problems of boys and males are provoked not by itself, but as a part of gender attitude of parenting as a whole.

References

1. Kon, I.S. (2009) *Mal'chik – otets muzhchiny* [The boy is the father of a man]. Moscow: Vremya.
2. Bird, S. (2008) Teoretiziruya maskulinnosti: sovremennyye tendentsii v sotsial'nykh naukakh [Theorizing masculinity: Modern trends in social sciences]. In: Bird, S. & Zhrebkin, S. (eds) *Naslazhdenie byt' muzhchinoy: zapadnye teorii maskulinnosti i postsovetskie praktiki* [Pleasure to be a man: Western theories of masculinity and post-Soviet practices]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 7–37.
3. Khitruk, E.B. (2013) Philosophy preconditions in formation of “missing father” phenomenon in modern culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 54–59. (In Russian).
4. Chodorou, N. (2006) *Vosproizvodstvo materinstva: Psikoanaliz i sotsiologiya genera* [Reproduction of motherhood: Psychoanalysis and sociology of gender]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
5. Butler, J. (1997) *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Stanford: Stanford University Press.
6. Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (2006) Istoriya i sovremennost': gendernyy poriyadok v Rossii [History and modernity: Gender in Russia]. In: Tartakovskaya, I. (ed.) *Gender dlya “chaynikov”* [Gender for “Dummies”]. Moscow: Zven'ya. pp. 55–84.